

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON

J. G. Nichols

Игнатий Николаевич Потапенко

Ради прекрасных глаз (Записки старого студента #06)

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и подавленные

нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

**Игнатий Николаевич
Потапенко
Ради прекрасных глаз**

Три года подряд мы с Буйновым жили в одной комнате. Первая наша встреча была случайная; до поступления в университет мы вовсе не были знакомы. Приехали с разных концов России и никогда не слышали друг о друге.

Мы встретились с ним на лестнице большого дома, когда оба подымались на четвёртый этаж. Он впереди, я позади. Впрочем, вероятно, и раньше ещё мы заметили друг друга, когда стояли у ворот и внимательно читали то, что было написано женским крупным почерком на прилепленной к стене бумажке: «Одна комната отдаётся внаём для холостого с мебелью, по желанию и со столом».

Оба мы заинтересовались этой надписью, но Буйнов, может быть, прозрев во мне конкурента, прочитал её наскоро и тотчас же побежал во двор и стал разыскивать соответствующий подъезд. Я же вообще никогда не торопился и в этом случае тоже пошёл медленно, и, в то время, как я поднял ногу, чтобы взойти на первую ступеньку грязной лестницы, Буйнов был уже на площадке второго этажа, а когда ему отпирали дверь в двадцать

седьмом номере, на четвёртом этаже, я ещё только подступал к третьему.

Но дело в том, что раз у нас была одна цель, мы неминуемо должны были встретиться в двадцать седьмом номере. Так это и случилось. Меня впустили вслед за Буйновым и точно так же, как его, ввели в довольно большую комнату, с двумя окнами, выходящими во двор, с диваном, кроватью, столом, шкафом, этажеркой и зеркалом, висевшим над диваном и обладавшим какой-то странной способностью отражать предметы в превратном виде.

— Сколько же она стоит, эта комната? — спросил Буйнов хозяйку, с виду очень почтенную даму, в чепце, с тёмной шалью, брошенной на плечи, высокую, довольно плотную, с лицом приветливым, с мягким голосом.

— Тринадцать рублей! — был ответ.

— С самоваром? — спросил Буйнов.

— Да, с самоваром. А если угодно стол, так он стоит отдельно шесть с полтиной.

— Гм!.. Так вы говорите — тринадцать? — переспросил Буйнов, очевидно, не желавший

пользоваться столом. — Почему же такая цифра? Тринадцать, ведь это нехорошее число!

— Но, знаете, — с усмешкой произнесла хозяйка, — когда речь идёт о деньгах, то тринадцать — число лучшее, чем двенадцать.

— Пожалуй, это так. Только, знаете, мне это дорого!

— Ну, пожалуй, за двенадцать можно.

— Нет, и это дорого.

В это время хозяйку зачем-то на минуту вызвали, и мы остались вдвоём с моим конкурентом. Он обернулся ко мне и сказал:

— Может быть, вам это сходно, так вы займите, я вам не мешаю.

— Нет, — сказал я, — мне это не по средствам. Я ищу себе маленькую комнатку рублей в семь.

— Да? Представьте, я тоже только семь рублей могу... Так именно и искал.

— Трудно найти такую! — заметил я. — Я вот уж третий день шляюсь. Совсем нет маленьких комнат.

— Третий день? А я уж неделю взлетаю в пятые этажи... Послушайте, вот идея! А впро-

чем, извините, вы... вы студент?

— Да, я студент.

— Какого курса?

— Я только что поступил.

— А на каком вы факультете?

— Я поступил на естественный. Но потом переменею. Может быть, медиком буду...

— Гм!.. представьте. я тоже. Так что, выходит, мы товарищи.

— Очень приятно.

Мы подали друг другу руки и сказали свои фамилии.

— Какая же у вас идея? — спросил я.

— Да вот такая. Вы ассигновали семь рублей, и я тоже семь. А эта комната стоит двенадцать, значит, если мы поселимся в ней вместе, то сделаем экономию по рублю на брата. А ведь это хватит на табак!

— Правда, — согласился я. — Ваша идея мне нравится. Если только мы уживёмся...

— Ну, вот пустое! Почему же нам не ужиться?

И когда хозяйка вернулась, мы её познакомили с нашим планом. Дело очень скоро уладилось; было затруднение в том, что у неё не

оказалось другой кровати, но я изъявил готовность спать на диване.

И вот стали мы с Буйновым жить в одной комнате. Каждое лето мы разъезжались по своим краям, но по возвращении тотчас же отыскивали друг друга и опять селились вместе. Несколько раз мы меняли квартиру, но теперь, перейдя на четвёртый курс, мы случайно опять попали к той самой хозяйке, у которой тогда встретились; только уже в другой квартире.

Мы были чрезвычайно удобны друг для друга. Прежде всего, от такого сожителства получалась явная экономия. У нас меньше выходило на свечи, на чай. И даже мы выигрывали во времени; так как нам приходилось читать одни и те же книжки, мы читали их вслух, легче усваивали и вообще жили мирно и хорошо. Характеры наши тоже подходили. Мы не любили много разговаривать, не надоедали друг другу. Оба отличались деликатностью, уступчивостью, и никогда нам не приходило в голову, что мы можем из-за чего-нибудь разойтись.

Может быть, мы недостаточно вниматель-

но присматривались друг к другу, потому что в этом не было надобности, но факт тот, что мы не находили друг в друге решительно никаких недостатков.

Наша хозяйка оказалась вдовою чиновника; судя по некоторым остаткам прежней обстановки её квартиры, можно было заключить, что они когда-то жили очень недурно. Теперь же не бедствовали, но с трудом сводили концы с концами. Уже одно то, что они должны были отдавать комнату, показывало, что у них в средствах был недостаток. Жила эта почтенная дама вдвоём с дочерью, которой на вид было лет восемнадцать. Прежде мы её не замечали; она была подростком и, должно быть, исправно ходила в гимназию. Мы столom не пользовались и потому почти не встречались с хозяевами. Теперь же мы вздумали по вечерам пить чай вместе с хозяйками и, разумеется, познакомились и с дочкой. Её звали Анной Григорьевной, и Буйнов в первый же вечер определил её так:

— Ужасно красива, но, кажется, не умна.

Я промолчал, но подумал то же самое. Она действительно была красива. Невысокая, но

очень стройная, тоненькая, с ясными голубыми глазками, вздёрнутым носиком, розовыми губками, — она всегда много смеялась и тогда казалась ещё красивей, потому что у неё были превосходные зубы.

Мы проводили вместе почти все вечера. Правда, мы с Буйновым не отличались разговорчивостью, но Анна Григорьевна была такая болтушка, что в этом не было и надобности, — она за всех говорила.

Частенько к ним приходил офицер, по фамилии Обневский. У него был капитанский чин и длинные усы. В сущности, ничего мы про него не знали; на нас он мало обращал внимания, и нам казалось, что и Анна Григорьевна также не интересовала его. Лет ему было за сорок, и, в то время, как мы весело болтали за круглым столом, он сидел обыкновенно с матерью Анны Григорьевны — она на диване, он в кресле, — непрерывно курил толстую папироску в толстом янтарном мундштуке и, цедя слова сквозь зубы, вёл разговор о хозяйстве, о дороговизне на съестные припасы, иногда же рассказывал какие-нибудь городские слухи.

Нам было весело; присутствие молодой девушки — болтливой, любившей смеяться, — оживляло нас и иногда даже делало разговорчивыми. Вернувшись после чаю к себе в комнату, мы ещё находились под влиянием этого оживления и нередко продолжали с Буйновым начатую там беседу. Иногда за такой беседой мы засиживались далеко за полночь.

— Да, — говорил Буйнов, — это всё оттого, что она красива. Ведь она не умна и, тем не менее, влияет на наш ум, возбуждает его к деятельности! Красота воодушевляет!..

Это случилось однажды, в один и тот же вечер, может быть, в один и тот же час. Бог знает, быть может, случайно мы оба были так настроены, или Анна Григорьевна сделала каждому из нас по очереди особенно выразительные глазки, но, когда мы вернулись к себе, у нас не вышло продолжения разговора, как это бывало обыкновенно. Мы начали ходить по комнате из угла в угол, друг другу навстречу. Раза три мы столкнулись. Скоро мы поняли, что так ходить неудобно. Буйнов лёг на диване, а я на кровати; мы вытянулись на спинах и смотрели в потолок.

Не знаю, что именно чувствовал в это время Буйнов, но я был ранен в сердце глубоко. Я ни на минуту не переставал думать о ней, о нашей красавице. Я удивлялся, что только теперь это со мной случилось. Ведь она и прежде была так красива, — почему же эта красота на меня не действовала? А теперь она всё время стояла передо мной, как живая, и я был влюблён в неё по уши.

Мы лежали таким образом часа два, а затем вдруг мне неудержимо захотелось поговорить о ней.

— Анна Григорьевна сегодня как-то особенно хороша! — сказал я просто в потолок, не обращаясь к своему сожителю.

— Да, хороша! — как-то неохотно подтвердил Буйнов.

— Ты тоже это находишь? — промолвил я, и, может быть, в моём тоне он расслышал что-нибудь новое.

— А почему же бы мне этого не находить? — с явным раздражением ответил Буйнов. — Вот странно! кто ж мне запретит находить, что она красива?

— Кто же тебе это запрещает? Находи.

Мы замолчали, и дальнейшего разговора у нас не вышло. В воздухе чувствовалась какая-то натянутость. Это было, кажется, в первый раз за три года нашего совместного житья.

Со следующего же дня с нашей стороны начались маленькие услуги по отношению к хозяйской дочке. В этот день меня поразило, что у хозяев на столе, когда мы пришли пить чай, оказалась коробка конфет. Никогда они не позволяли себе такой роскоши. Анна Григорьевна тотчас же стала угощать меня этими конфетами, потом она подала коробку Буйнову, который начал как-то неловко отказываться.

— Ну, полноте, — говорила Анна Григорьевна, — ведь это ваш вкус, как же вы отказываетесь?

Я вздрогнул и мрачно посмотрел на товарища. Это был мой первый открыто недружелюбный взгляд по его адресу. Меня охватила страшная досада. Он принёс ей конфеты. С какой стати он принёс ей конфеты? Во-первых, прежде это никогда ему не приходило в голову, а во-вторых — откуда он взял денег? Я

очень хорошо знал, что у Буйнова, как и у меня, денег всегда было в обрез, и вот он подносит конфеты и притом, как увидел я по коробке, из лучшей кондитерской.

Утром на другой день Буйнов, проснувшись, и, может быть, в первую минуту забыв о наших новых враждебных отношениях, спросил меня:

— Посмотри, пожалуйста, который теперь час!

Я поднял голову.

— Как, а твои часы?

— Они... э... ну, да... одним словом, они остановились... Я отдал их в починку...

Я ясно видел, что он говорит неправду, и понял, что Буйнов заложил свои часы, заложил их для того, чтобы купить конфет для Анны Григорьевны, и в ту же минуту почувствовал, что должен, во что бы то ни стало, поднести ей цветы.

Когда Буйнов ушёл (мы теперь уже не выходили вместе), я огляделся кругом, разыскивая глазами предмет, который мог бы быть превращён в цветы, и остановился на своём плече, а затем, положив его на левую руку,

вышел и отнёс куда следует. Вечером Буйнов пошёл к чаю раньше меня, — должно быть, хотел выиграть время и в моём отсутствии сказать несколько любезностей Анне Григорьевне; он встретил меня каким-то совершенно разбойничьим взглядом. Мои цветы стояли на трюмо и отражались в нём, так что выходило, как будто я поднёс не один, а два букета. Анна Григорьевна восхищалась ими, минутно подходила к ним, нюхала и была в восторге.

— Ах, какие славные цветы! — восклицала она и посматривала на меня ласковым, благодарным взглядом.

Она не была избалована такими любезностями.

Был тут и капитан с длинными усами; он тоже хвалил мои цветы. Я торжествовал, сильно подозревая, что, при помощи цветов, одержал над Буйновым победу, но этим, разумеется, дело не кончилось. Мы продолжали соперничать в услугах. Буйнов старался провожать её в библиотеку, куда она ходила за книгами, я раза три покупал билеты в театр и приглашал её. Мне приходилось раза два в

неделю заходить в кассу ссуд, и это обстоятельство постепенно облегчало мой гардероб. Дошло до того, что я должен был заложить мой великолепный энциклопедический словарь, который был известен всему университету. Я заметил, что приглашения в театр особенно нравились Анне Григорьевне; в такие вечера она была чрезвычайно любезна со мной, и я тогда ощущал торжество, но зато Буйнов, у которого гардероб не был так богат и который не мог тратить на билеты в театр, — когда я возвращался домой, окидывал меня взглядом, полным ненависти.

Тысячи маленьких услуг то с моей, то с его стороны следовали одна за другой. Мы с Буйновым ни разу не говорили об этом, но в наших отношениях произошла видимая перемена. Утром мы с ним не вставали никогда одновременно. Если он схватывался раньше, то я нарочно закутывался в одеяло с головой и делал вид, что ещё сплю. Если раньше случалось проснуться мне, то он принимал ту же меру. Нам просто не хотелось встречаться взглядами и поневоле заводить разговор. Мы старались не сталкиваться. Даже в универси-

тете мы как-то сторонились друг друга. Это было до такой степени явно, что и товарищи заметили.

— Вы поссорились? — спрашивали нас. — Вы разошлись?

Мы, разумеется, отвечали, что нет, но в тоне нашего голоса проглядывало нечто такое, что нам никто не верил.

Мы теперь уже не читали книг вместе. Дней десять в нашей комнате не было слышно ни одного слова. Жизнь вместе становилась тяжёлой и почти невыносимой.

Но однажды произошёл короткий разговор. Его начал Буйнов.

— Знаешь, — промолвил он, как-то заминаясь и глядя в сторону, — я думаю, не переехать ли нам в разные комнаты?!

Я вопросительно взглянул на него, хотя предложение это сразу нашло отклик в моём сердце. Буйнов ответил на мой взгляд.

— Да, видишь ли, я нахожу, что вдвоём как-то стеснительно...

— Да, пожалуй! — отозвался я.

И ни одному из нас не пришло в голову удивляться тому обстоятельству, что в тече-

ние трёх лет мы ни разу не находили наше сожителство стеснительным.

И вот мы начали деятельно искать себе комнаты. Но как-то всё не находили. Признаюсь, в душе у меня была тайная надежда, что Буйнов найдёт раньше меня и переедет, а я в таком случае останусь на старой квартире. Каким образом я найду средства, чтобы платить двенадцать рублей, об этом я совсем и не думал. Но зато я уверен, что Буйнов питал такие же точно надежды. Поэтому-то, должно быть, нам так долго и не удавалось отыскать подходящие комнаты. Но переезд был решён бесповоротно. Мы уже были врагами, и совместная жизнь наша была теперь немислима.

Всё же, однако, мы продолжали по вечерам сходиться у хозяйки, за чайным столом. Это были уже далеко не такие весёлые вечера. Анна Григорьевна не замечала наших новых отношений, но мы оба смотрели как-то исподлобья, между собой не разговаривали, а обращались только к ней.

Однажды мы застали её и мать в каком-то странном настроении. Не было никаких опре-

делённых признаков какого-нибудь события, но чувствовалось какое-то волнение, слегка приподнятый тон. Анна Григорьевна была одета в светлое платье, на груди у неё красовалась приколотая роза. Капитан был здесь, по-прежнему покуривал папиросу, но сидел не с матерью, а с девушкой.

— А вы знаете, — обратилась к нам мать Анны Григорьевны, — у нас сегодня новость!

— Новость? Какая? — спросили мы оба.

— А вот, капитан сделал Анненьке предложение.

— Да?

— Да, и через две недели наша свадьба! — очень весело ответила сама Анна Григорьевна.

Оба мы не сразу откликнулись на это известие. Потом, однако, Буйнов, овладев собою, первый поднялся и поздравил обеих хозяек. Я сделал тоже самое.

Мы просидели у них недолго и, сверх обыкновения, вернулись в свою комнату часов в десять. Я сел в кресле у стола, Буйнов поместился на диване, и мы помолчали минут двадцать. Потом он как-то нервно схватился

и стал ходить по комнате. Затем вдруг остановился, взял стул и сел тоже около стола, рядом со мной.

— Послушай, — сказал он, — у тебя есть что-нибудь?

— То есть, это ты насчёт денег?

— Ну, да, какие-нибудь пустяки...

— Ты что же, хочешь купить яду? — промолвил я, нисколько не скрывая ироническую усмешку.

— А ты, может быть, сам на это рассчитываешь?

Мы помолчали с минуту, но потом вдруг как-то неожиданно для обоих вдруг рассмеялись друг другу в глаза.

— И после этого разве мы не идиоты? — сказал Буйнов.

— Почти! — отозвался я.

— Так есть у тебя?

— Найдётся. Я вчера ещё заложил цепочку от часов... Видел фунт конфет? Ещё тебя: Анна Григорьевна угощала... Так у меня осталось около полтинника.

— Так знаешь, пойдём выпьем по кружке пива...

Мы оделись и вышли. Неподадалёку от нас был маленький ресторанчик, куда в прежнее время мы заходили нередко, пиво здесь было дёшево, и всегда можно было встретить кого-нибудь из товарищей. И теперь нашлось здесь человек пять. Всем уже было известно, что мы решились разъехаться, и наше появление вдвоём и то обстоятельство, что мы сидели за одним столом и чокались нашими кружками, конечно, обратило на себя общее внимание.

— Что же это?.. Вы уже не переезжаете? — спросили нас.

— Нет, переезжаем, — ответил Буйнов.

Я посмотрел на него с изумлением.

— Ну, да, переезжаем... Завтра будем искать комнату.

— Общую? — спросили его.

— Ну, да, разумеется...

На другой день хозяйка явилась к нам с извинениями. Дело в том, что капитан должен был скоро переселиться в нашу комнату, и мы должны были её освободить.

Прошла ещё неделя; мы с Буйновым нашли себе новую комнату, совсем маленькую,

на пятом этаже, с ходом через кухню, невзрачную, тесную, неудобную. Мы платили за неё вдвоём девять рублей.

— Да, брат, теперь придётся месяцев пять ютиться в этой пещере, пока не выкупим всё, что мы с тобой заложили ради прекрасных глаз Анны Григорьевны! — говорил Буйнов.

Больше мы с ним не ссорились и остались хорошими приятелями навсегда.